

Весной 1966 года Ли́ла, заметно волнуясь, передала мне жестяную коробку, в которой лежали восемь тетрадок. Она сказала, что больше не может хранить их у себя: боится, как бы муж не прочитал. Я забрала коробку без лишних вопросов, правда, позволив себе иронически заметить, что тетради слишком уж плотно перетянуты шпагатом. В то время наши отношения переживали не лучшие времена, но, похоже, так считала только я. Виделись мы редко, но при встречах Ли́ла вела себя приветливо и дружелюбно и воздерживалась от колких замечаний.

Она потребовала от меня клятвенного обещания никогда и ни при каких обстоятельствах не открывать коробку и, разумеется, его получила. Но, едва тронулся поезд, я развязала шпагат, достала тетради и принялась за чтение. Нельзя сказать, что это был дневник Ли́лы, хотя в тексте встречались упоминания о тех или иных событиях из ее жизни, начиная с первых лет школы. Но стиль изложения напоминал упражнение, словно Ли́ла целенаправленно тренировалась

в сочинительстве. Здесь было много описаний: ветвей дерева, пруда, камня, листка с белесыми прожилками, домашней утвари, деталей кофеварки, жаровни, корзины с углем, припорошенной черной пылью, двора – в мельчайших подробностях, – проезжей дороги, проржавелых автомобильных каркасов на той стороне прудов, палисадников, церкви, подстриженной живой изгороди вдоль железной дороги, новых многоэтажек, родительского дома, сапожных инструментов отца и брата и тонкостей их ремесла. Особое внимание уделялось цвету каждой вещи при разном освещении и в разное время суток. Тетради были заполнены не только описаниями, но и обведенными в кружок отдельными словами на итальянском и на диалекте, без всяких комментариев, и упражнениями по переводу с греческого и латыни. Попадались целые страницы на английском, посвященные описанию магазинчиков нашего квартала и товаров, которыми в них торговали, здесь в том числе фигурировала тележка с овощами и фруктами, которую Энцо Сканно каждый день возил от дома к дому, ведя под уздцы осла. Много внимания было уделено прочитанным книгам и фильмам, которые показывали в кинотеатре при церкви. Сюда же Лида заносила мысли, которые приходили ей в голову после разговоров с Паскуале или со мной. Несмотря на рваный характер этих записей и отсутствие в них какой-либо связности, они производили сильное впечатление, включая страницы, написанные ею лет в одиннадцать-двенадцать, – я не нашла в них ни следа детской наивности.

Отточенность каждой фразы, безупречная пунктуация, красивый ровный почерк – именно так учила нас писать учительница Оливьеро. Но порой Лида, словно поддавшись власти неведомого дурмана, вдруг нарушала заданный самой себе порядок. Тогда изложение приобретало какой-то нервный характер, его ритм сбивался, а знаки препинания пропадали вовсе. Правда, вскоре она возвращалась

к прежней спокойной ясности. Кое-где текст резко обрывался, и нижнюю половину страницы заполняли рисунки деревьев с корявыми стволами, горбатых дымящихся гор и злых рож. Пораженная чередованием строгой упорядоченности и неожиданной хаотичности текстов, я внезапно почувствовала себя обманутой: так значит, она долго тренировалась, прежде чем отправить мне на Искью письмо – вот почему оно показалось мне таким прекрасным. Я сложила тетради назад в коробку и сказала себе, что с меня довольно.

Но хватило меня ненадолго: от тетрадей исходила та же притягательная сила, какой с детства обладала сама Лиля. Она описывала наш квартал, своих родных, семью Солара и Стефано, каждого человека и каждый предмет с беспощадной точностью. Мне тоже досталось – ничуть не стесняясь, Лиля комментировала мои идеи и высказывания, мою внешность, давала оценки людям, которые были мне дороги. Для нее было важно, что происходит в ее собственной жизни – остальное она не принимала в расчет.

Тетрадь сохранила и радость, что переполняла Лилу, написавшую свой первый рассказ «Голубая фея», и обиду десятилетней девочки, не дождавшейся от учительницы ни слова похвалы – синьора Оливьеро сделала вид, что ничего особенного не произошло. Эти страницы помнили всё: и то, как Лиля страдала и злилась на меня, потому что я пошла учиться дальше, в среднюю школу, бросив ее на произвол судьбы, и то, с каким неподдельным воодушевлением она училась работать с кожей, намеренная во что бы то ни стало доказать себе и окружающим, что чего-то стоит; и радость первой удачи, когда она с помощью Рино сшила ботинки по собственному эскизу, и боль, когда отец забраковал их, заявив, что ботинки никуда не годятся. Но главное, тетрадь дышала ненавистью Лилы к братьям Солара. В свое время она решительно отвергла ухаживания Марчелло, а

вскоре после согласилась выйти замуж за владельца колбасной лавки Стефано Карраччи, который так ее любил, что купил первые шитые ее руками ботинки и поклялся, что будет хранить их до своего последнего вздоха.

Как горда была пятнадцатилетняя Лида, почувствовав себя настоящей дамой! Тетрадь точно запечатлела память о тех днях, когда она, любуясь собой, прогуливалась по городу под ручку с по уши влюбленным в нее женихом, не жалевшим для нее ни денег, ни подарков и даже вложившим немалые средства в семейное дело Черулло.

Да, Лида чувствовала себя счастливой: мастерская шила обувь по ее эскизам, ее ждало удачное замужество и удобная красивая квартира в новом районе – это в шестнадцать лет!

Мысли о пышной свадьбе действовали на нее возбуждающе. И вдруг на эту свадьбу заявился Марчелло Солара вместе с Микеле и в тех самых ботинках, которые новоиспеченный муж Лилы поклялся беречь как зеницу ока. Ее муж. Кому же она отдала свою руку и сердце? Она увидела его истинное лицо и ужаснулась, но было уже слишком поздно. Я по многу раз, день за днем и неделя за неделей читала и перечитывала эти страницы. Под конец я уже могла наизусть цитировать особенно выразительные фрагменты, приводившие меня в восторг естественностью интонации. Однако за показной непосредственностью угадывались часы тренировки; я не знала наверняка, но подозревала, что весь этот блеск – результат долгого и кропотливого труда.

Однажды ноябрьским вечером я вышла из дома, прихватив с собой коробку. У меня больше не было сил жить чужой жизнью, и теперь, когда я давно обрела самостоятельность, мне не хотелось вновь и вновь окунаться в прошлое Лилы и копаться в ее чувствах.

Я остановилась на мосту Сольферино и посмотрела на холодное небо. Потом поставила коробку на парапет и слегка подтолкнула, потом еще раз и еще, пока та не упала в темную реку, унося с собой все слова и мысли девочки Лилы. У меня мелькнуло ощущение, что это она сама исчезает в толще вод. Река поглотила ее злобу, а меня охватило чувство свободы. Больше я не позволю себя использовать. Вещи, люди – все, к чему прикасалась Лиля, подпадало под власть ее чар: книги, туфли, нежность, обида, свадьба, первая брачная ночь, новая социальная роль в качестве синьоры Рафаэллы Карраччи – Лиля умело использовала все это в своих целях.

2

Мне не верилось, что Стефано – добрый, милый, влюбленный Стефано – подарил Марчелло Соларе ботинки, сшитые руками Лилы, тем самым перечеркнув и ее мечту, и тот труд, который она вложила в ее осуществление.

Я тут же забыла об Альфонсо и Маризе, которые сидели за столиком и о чем-то переговаривались, глядя друг на друга сияющими глазами. Я больше не слышала пьяного смеха мамы. Музыка, голос со сцены, танцующие пары, Антонио, в порыве ревности выскочивший на балкон и глядящий на город и море сквозь стекло, – все это отступало перед невероятностью произошедшего. Даже образ Нино, только что покинувшего зал для гостей, точно архангел, не принесший благой вести, поблек. Все заслонила бледная невеста-Лиля, пылко шептавшая что-то на ухо нахмурившемуся молодожену-Стефано. Эта картина стояла передо мной, точно белое пятно карнавальная маска на вспыхнувшем краской лице. Что произошло между ними и какие будут последствия? Подруга тянула мужа к выходу,

уцепившись за него обеими руками так сильно, что я чувствовала: будь то в ее власти, она бы сейчас оторвала эту руку от тела и прошла через зал с высоко поднятой головой, не обращая внимания на тянущийся позади кровавый шлейф. Будь то в ее власти, она бы избила несчастного Марчелло любым предметом, который попался ей под руку, точным ударом она бы повалила его на пол и добила ногами. Да, так бы она и сделала, и при мысли этой сердце мое рвалось как одержимое, а в горле пересохло. Потом она бы выцарапала глаза обоим – Марчелло и Стефано, вцепилась бы зубами в их плоть и разорвала бы ее в клочья. Да, я чувствовала, что хочу на это посмотреть.

Вот и все. Конец злополучной свадьбе, влюбленности, медовому месяцу в Амальфи! Хорошо бы порвать тут со всем и вся и бежать, далеко-далеко, только я и Лила. Бежать вдвоем в неведомые города, весело скатываясь вниз по старым ступенькам. Мне показалось, что для такого дня это был бы самый логичный конец. Если ничего не спасти – ни денег, ни мужа, ни работы, так не лучше ли разрушить все до основания, раз и навсегда?

Я ощутила, как в груди у меня проснулась не моя – Лилина – злоба, и мне захотелось раствориться в ней до конца. Мне хотелось, чтобы она росла – неведомая, чужая сила. Я поймала себя на том, что боюсь этого незнакомого чувства. Лишь много лет спустя я поняла, что все мои несчастья лишь оттого, что часто я не могу быть жесткой, боюсь показаться резкой и просто молчу, накапливая обиду и злобу.

Но Лила была не такой. Когда она решительно поднялась с места, от ее резкого движения задрожал стол, зазвенели тарелки, а ближайший бокал опрокинулся. Пока Стефано на автомате кинулся к синьоре Соларе, к платью которой подбирался красный поток, Лила быстро вышла в заднюю дверь, таща за собой тяжелый шлейф, путающийся между ног. Мне хотелось кинуться за ней, сжать ей руку,

шепнуть: скорее, скорее отсюда. Но я не сдвинулась с места. Не я, но Стефано, после минутного колебания, ринулся за ней, протискиваясь меж танцующих пар.

Я оглянулась по сторонам. Все видели, что с невестой что-то не так. Но Марчелло продолжал с заговорщическим видом разговаривать с Рино, делая вид, что знать не знает, что на нем за ботинки. Пришло время тостов, и каждый следующий был пошлее предыдущего. Те, кто чувствовал себя обделенным местом за столом, натянуто улыбались. Никто, кроме меня, не понимал, что только что свершившийся брак, который мог бы длиться «пока смерть не разлучит их», в болезни и радости, богатстве и бедности, брак, в котором могли бы родиться дети и внуки, для Лилы – что бы там сейчас ни сказал новоиспеченный муж в попытке примирения – более ничего не значил. Для нее все было кончено раз и навсегда.

3

Однако ничего не случилось, и это сильно меня разочаровало. Я уселась с Альфонсо и Маризой, стараясь не слушать их болтовню. Я ждала, что будет, но ничего так и не произошло. Предсказать, как поступит Лила, было непросто: я не услышала ни криков, ни угроз. Через полчаса Стефано вернулся как ни в чем не бывало. Он уже успел переодеться, и белые тени на его лице куда-то исчезли. Он обошел родственников и гостей, поджидая жену, и, едва Лила вернулась (теперь она была одета в простое дорожное платье: светло-голубой костюм с белыми пуговицами и синюю шляпку), тут же к ней присоединился. Лила раздала детям традиционные миндальные конфеты, зачерпывая их из хрустальной вазы, а потом бонбоньерки гостям: сначала родным Стефано, потом всем прочим. Семью Солара она обошла

стороной, как и своего брата, который притворно хмыкнул: «Ты что, меня разлюбила?» Лила не ответила и протянула бонбоньерку Пинучче. Взгляд ее витал где-то далеко, скулы проступили резче обыкновенного. Когда пришла моя очередь, Лила протянула мне маленькую корзиночку, завернутую в белое кружево, даже не улыбнувшись.

Ее демонстративное неуважение задело братьев Солара, но положение спас Стефано, дружески хлопнув каждого по плечу и чуть слышно прошептал:

– Она просто устала. Тяжелый день...

Рино он расцеловал в обе щеки. Тот недовольно скрипел и процедил сквозь зубы:

– Усталость тут ни при чем. Стерва и есть стерва. Сочувствую тебе.

– Ничего, разберемся, – серьезно ответил Стефано.

Он быстрым шагом подошел к жене, уже стоявшей в дверях. Под нестройные звуки оркестра гости начали понемногу подниматься со своих мест и прощаться.

Значит, никакого разрыва не будет, и никуда мы не убежим, и прощайте, новые города. Я представила себе, как молодожены – красивые и нарядные – садятся в кабриолет. Скоро они придут на амальфитанское побережье, поселятся в шикарном отеле, и смертельная обида скукожится до легкой досады. И все останется как есть. Лила раз и навсегда оторвалась от меня. Я вдруг осознала, что трещина между нами гораздо шире, чем казалось мне раньше. Лила не просто вышла замуж. Ее брак – это не только супружеские обязанности и общая с мужем постель. Нет, нас расколело что-то более существенное, о чем я раньше не думала, но что сейчас предстало передо мной во всей своей очевидности. Лила не знала, какие отношения связывали ее мужа с Марчелло Солара и почему он подарил ему те самые ботинки, но она смирилась с этим фактом, тем самым признав, что для нее важнее всех на свете муж. Если она сдалась в самом начале

и проглотила обиду, значит, она дорожит Стефано больше, чем я предполагала. Значит, она его любит, любит по-настоящему, той любовью, о какой пишут в книгах. Ради него она пожертвовала всем, а он этого даже не заметил. Способность тонко чувствовать, острый ум, богатое воображение – все, чем Лила обладала с детства, – она вручила Стефано, который понятия не имел, что ему со всем этим делать – разве что сломать. Я подумала, что никого не смогу полюбить так, как она, – даже Нино. Все, на что я способна, – это сидеть над книгами. На долю секунды в памяти мелькнуло давнее воспоминание: моя сестренка Элиза кормила на лестнице котенка из старой щербатой миски. Потом котенок вырос и убежал, а пустая миска так и осталась стоять на лестничной площадке, покрываясь грязью и пылью. Вот и я – как та самая миска... Но в ту же секунду я с испугом поняла, что дальше так продолжаться не может. Я должна прекратить копаться в себе и стать такой, как все – как Кармела, Ада, Джильола, даже Лила. Отбросить гордыню, перестать судить других людей и свысока смотреть на тех, кто меня любит. Альфонсо с Маризой засобирались уходить – их ждал Нино, а я, обойдя зал, чтобы не попасться на глаза матери, вышла на террасу, где стоял мой парень.

На мне было легкое платье, а солнце уже село, и я немного замерзла. При виде меня Антонио закурил и снова уставился в окно, на море.

– Пойдем отсюда.

– Иди, если хочешь. Сарраторе будет просто счастлив.

– Я хочу уйти с тобой.

– Не ври.

– С чего ты взял, что я вру?

– Да он тебя одним пальцам поманит, и ты к нему полептишь как на крыльях.

Это была чистая правда, но мне не понравилась откровенность, с которой Антонио ее высказал.

– Ты что, не понимаешь, чего мне стоило прийти сюда к тебе? – возмутилась я. – Если мать увидит меня с тобой, она мне такое устроит! Но тебе-то что: ты только о себе и думаешь, а я ровным счетом ничего для тебя не значу.

Я говорила не на диалекте, а на литературном итальянском, и Антонио, выслушав меня, потер виски. Потом отшвырнул сигарету и, с плохо сдерживаемой яростью схватив меня за запястье, прохрипел, что он и пришел сюда ради меня, только ради меня, что я сама просила его и в церкви, и в ресторане сесть ко мне поближе и клятвенно, вот именно клятвенно обещала, что ни за что его не брошу, и он сшил себе этот чертов костюм и влез в кабалу к синьоре Соларе, и все это – лишь бы угодить мне, и он даже ни разу не подошел к матери, к сестрам и братьям, а я обращалась с ним как с последним дерьмом и все время любезничала с сынком этого поэта, а его выставила полным дураком перед друзьями, а все потому, что он для меня никто, я слишком образованная, а он неуч и не понимает половины слов, которые я говорю, и да, это сущая правда, он совсем меня не понимает, но, черт подери! Лену, сказал он, посмотри на меня, посмотри хорошенько, ты что, думаешь, я позволю тебе со мной играть? Ты думаешь, я буду и дальше это терпеть? Нет, милая, ты ошибаешься. Ты знаешь все на свете, но ты не знаешь одного. Если ты сейчас уйдешь со мной, все будет в порядке, но если до меня дойдет, что в школе или где еще ты по-прежнему встречаешься с этим ничтожеством, с этим Нино Сарраторе, я убью тебя, Лену, клянусь, я тебя убью. Подумай об этом, с отчаянием в голосе сказал он, а сейчас уходи, так будет лучше. Он смотрел на меня широко распахнутыми покрасневшими глазами, ужасные слова одно за другим вылетали у него изо рта, ноздри раздулись, он кричал, хотя голос его звучал еле слышно, а в лице было сколько страдания, словно каждое вырвавшееся из горла слово было железным

осколком, изрезавшим его внутренности – легкие, грудь, гортань.

Меня поразила эта вспышка ярости, но, как ни странно, я нашла в ней утешение: хоть кому-то на меня не наплевать.

– Мне больно, – пробормотала я.

Он медленно разжал руку, но продолжал смотреть на меня с открытым ртом. Запястье у меня посинело – с такой силой он его все это время сжимал.

– Что ты решила? – спросил он.

– Я хочу быть с тобой, – угрюмо ответила я.

Он закрыл рот. В глазах блеснули слезы. Он опять уставился на море. Ему нужно было время, чтобы успокоиться.

Через несколько минут мы были на улице. Мы не стали ждать ни Паскуале, ни Энцо, ни девочек, и ушли, ни с кем не попрощавшись. Главное было проскочить мимо моей матери, что нам удалось. Мы решили идти пешком, хотя уже стемнело. Поначалу мы просто шагали рядом, но потом Антонио робким жестом положил руку мне на плечо, как будто чувствовал свою вину и просил прощания. Он и правда любил меня, а потому решил забыть, что я флиртовала с Нино, и считать все это игрой воображения.

– У тебя что, синяк? – спросил он, осторожно коснувшись моего запястья.

Я промолчала. Он притянул меня к себе, но я инстинктивно отстранилась, и он не стал настаивать. Оба мы чего-то ждали. Когда он в знак примирения вновь потянулся ко мне, я обняла его за талию.

4

Потом мы долго целовались: за деревом, в подъезде, посреди темной улицы. Наконец сели в автобус, пересели на другой и доехали до вокзала. По пустынной улочке,